

потому, что он осмелился сказать то, что впоследствии оказалось истинной *правдой*, только потому, что он осмелился изобличить тайные сношения короля с неприятелем, Марата покинули все, даже те несколько якобинских патриотов, на которых он, тот самый Марат, которого изображают таким подозрительным, все еще рассчитывал. Они отказали ему даже в убежище, когда его искала полиция и он обращался к ним за пристанищем.

Что касается до Жиронды, то после отказа короля она все еще продолжала вести с ним переговоры, в этот раз - через посредство художника Боза; а 25 июля она обратилась к нему с новым посланием.

Это было всего за две недели до 10 августа. Революционная Франция грызла свои удила. Она понимала, что наступил момент действовать. Или королевской власти будет нанесен последний удар, или же революция останется незаконченной и все придется начинать сначала. Неужели же так и оставить королю и двору возможность окружить себя войсками и привести в исполнение дворцовый заговор, чтобы предать Париж в руки немцев? Кто знает, сколько еще лет продержится тогда на французском троне королевская власть, немного подновленная, но в сущности почти самодержавная?

И вот в этот решающий момент главная забота политиканов - спор о том, *кому достанется власть*, если она выпадет из рук короля.

Жирондисты хотят, чтобы власть перешла к ним, к Комиссии двенадцати, которая станет таким образом исполнительной властью. Робеспьер со своей стороны требует новых выборов, «обновленного Собрания», Конвента, который выработал бы для Франции новую, республиканскую конституцию.

Но о том, чтобы действовать, о том, чтобы подготовить низложение короля, об этом, кроме народа, не думают ни те ни другое, и уж никак не Клуб якобинцев. В кабачке «Золотое солнце» собираются для приготовления нападения на дворец и всеобщего восстания под красным знаменем одни «неизвестные» - любимцы народа: пивовар Сантерр, Фурнье-Американец, поляк Лазовский, Карра, Симон¹, Вестерман (тогда бывший простым писцом), из которых некоторые состояли вместе с тем в тайной директории волонтеров (федератов). Затем - секции (большинство парижских и некоторые отдельные секции на севере, в департаменте Мэн-и-Луары, в Марселе) и наконец - марсельские и брестские волонтеры, призванные для революционного дела парижским народом. Народ, везде народ!

«Там (в Собрании) заседали законники, постоянно препиравшиеся, под угрозой хлыста своих господ...

Здесь (в собрании секций) было положено основание республике», - писал Шометт в своих записках.

XXXIII

10 АВГУСТА; ЕГО НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Мы видели, каково было положение Франции летом 1792 г.

Революция продолжалась уже свыше трех лет, и возврат к старому порядку стал уже невозможен. Если феодальный строй и существовал еще по закону, на практике крестьяне его не признавали; они не платили повинностей, захватывали земли духовенства и эмигрантов, а во многих местах отбирали обратно земли, отнятые в прежние времена у деревенских общин. В деревенских муниципалитетах они считали себя хозяевами.

То же самое происходило и с государственными учреждениями. Все административное здание, казавшееся при старом укладе таким грозным, рухнуло. Кто думал теперь об интенданте, о его жандармерии, о судьях старых парламентов! Муниципалитет, захваченный санкюлотами, местное народное общество, первичное собрание избирателей, народ, вооруженный пиками, - вот что представляло теперь новую силу в довольно значительной части Франции.

Общий вид страны, весь дух населения: его язык, нравы, понятия - все изменилось под влиянием революции. *Народилась новая нация*, и эта нация по своим политическим и социальным понятиям совершенно не походила на то, чем она была год тому назад.

А между тем старый порядок все еще держался. Королевская власть продолжала существовать и

¹ J. F. Simon был немецкий учитель, бывший сотоварищ Базедова по Дессаускому филантропиуму (рукописная заметка Дж. Гильома).